

Размышляя над прочитанным

Н.А. ХОМЕНКО*

КОГДА НИЗЫ ХОТЯТ, А ВЕРХИ МОГУТ

В новой книге российского учёного-американиста В.Н. Гарбузова¹, весьма подробно и обстоятельно рассматриваются – уже в исторической ретроспективе – два срока президентства Р. Рейгана (1981–1989 гг.), ставшие во многих отношениях переломным периодом в новейшей истории Соединённых Штатов и по этой причине часто называемые «революцией Рейгана» или же «консервативной революцией».

Об отношении автора к такой «революционной» трактовке событий 80-х годов прошлого века в Америке мы узнаем только на последних страницах этой весьма объёмной и многоплановой монографии, но в любом случае его вывод будет более чем взвешенным и обоснованным.

В целях систематического и максимально объективного анализа предпосылок и основных направлений «консервативной революции» В.Н. Гарбузов тщательно изучил множество авторитетных источников – от официальных документов правительства США, выступлений и посланий Рейгана, слушаний и отчётов Конгресса до серьёзных монографий и аналитических статей ведущих американских и российских (советских) экспертов, публикаций консервативных «мозговых трестов», комментариев и критических высказываний противников экономической и социальной политики Р. Рейгана. Особую ценность работе придают аудиозаписи личных интервью автора с высокопоставленными сотрудниками обеих администраций, теоретиками и идеологами американского консерватизма.

За рамками книги (видимо, по соображениям объёма) остались некоторые аспекты практической политики исполнительной власти США периода 1980-х годов (внешняя и военная политика, советско-американские отношения, «новый федерализм»), поскольку основное внимание автор уделит внутреннему кризису конца 1970-х годов и консервативному ответу на него в период президентства Р. Рейгана. С учётом скромного тиража данной работы целесообразно будет воспользоваться прямыми цитатами из неё, дабы не прибегать к примитивному пересказыванию взглядов и формулировок автора.

В книге, наверное, не зря приведены весьма интересные мысли А. Шлезингера-мл. о цикличности исторического процесса в целом и циклическом

* **ХОМЕНКО Николай Алексеевич** – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИСКРАН. Copyright © 2009.

¹ Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана. М., «Наука» 2008, 564 с.

развитии США в XX веке, когда «периоды “активизма”, приверженности высоким обязательствам, усиленной деятельности общественности чередуются с периодами “усталости”». В конце 1970-х годов США, по мнению многих американских специалистов, «находились на переломном этапе своего развития» (с. 66). И статистические данные, и политики (как республиканцы, так и демократы), и академическое сообщество, и публицисты отмечали растущее неблагополучие во всех областях – экономической, политической, социальной и духовной.

Поскольку средний американец, как правило, голосует кошельком, значительное внимание в работе уделено анализу экономического положения США в период президентства Дж. Картера (1977–1981 гг.) и той массы негативных явлений в экономике, которые вынудили видного американского экономиста Л. Туроу заявить: «Эти проблемы являются моральным эквивалентом поражения. Соединённые Штаты потерпели поражение в области экономики» (с. 79).

К их числу автор относит, в первую очередь, стагфляцию – соединение высокой инфляции с высоким же уровнем безработицы и низкими темпами роста ВВП. Одной из причин могло быть многократное повышение цен на нефть, но основную роль, видимо, играла «заправка насоса» – увеличение всевозможных государственных расходов без соответствующего роста производства. Попытки сбить инфляцию высокими учётными ставками приводили к удорожанию кредита и соответственно спаду деловой активности, отсюда рост числа нуждающихся во всякого рода государственном вспомоществовании и, как следствие, увеличение бюджетных расходов.

На фоне внутренних трудностей стали расти и множиться проблемы с положением США в мировой экономике. Ослабевали позиции доллара в мировой валютной системе, стал сокращаться разрыв в уровне производительности труда в сравнении с ведущими странами Запада (ФРГ и Япония), падала конкурентоспособность американских товаров на внешних и внутреннем рынках. И, пожалуй, самое главное: «американская экономика утрачивала то, чем всегда славилась: свою способность к нововведениям, а американские бизнесмены теряли то, что их отличало от других – стремление идти на риск в новых сферах экономической деятельности, приспосабливаться к быстро меняющимся условиям» (с. 78).

Кризис экономический не мог не затронуть и «надстройку» – политику, социальную область, морально-бытовую сферу. В первом случае автор отмечает тройной кризис: политических идей (теории активного управления), политической поддержки (абсентеизм на выборах, снижение роли партий) и кризис государственного управления в его устоявшихся с 30-х годов XX века формах. Последнему кризису в работе уделено повышенное внимание, поскольку именно он в значительной степени распахнул дверь «консервативной революции».

Одним из основных направлений её удара стала резкая критика кейнсианства и вытекавших из него функций и методов действий федерального прави-

тельства, т.е. чёткая и ясная констатация того факта, что «сложившиеся ещё в начале 30-х годов и успешно применявшиеся в период мирового кризиса (когда главный акцент политики Рузвельта был сделан на регулирование совокупного платёжеспособного спроса) традиционные механизмы государственного регулирования экономики, исходившие из кейнсианских рецептов, оказались в конце 70-х годов недейственными... Сама политика либо достигла пределов возможного, либо вовсе изжила себя» (с. 156–157).

«Государство, – пишет В.Н. Гарбузов, – с его разросшимся и неспособным эффективно управлять бюрократическим аппаратом, неразумным вмешательством во все сферы экономики и социальных отношений, “большое правительство”, которое сидит на шее у американцев и в виде налогов лишает их того, что они заработали своим собственным трудом, представлялись ему (Р. Рейгану. – *Н.Х.*) основным злом, главным источником экономической и политической нестабильности в США» (с. 159).

Для борьбы с этим злом уже в первый срок своего президентства Рейган сформировал «Комиссию Грейса», состоявшую из 2 тыс. бизнесменов-добровольцев со всей страны, которые тщательно изучали деятельность американской бюрократии и эффективность расходования ими денег налогоплательщиков. Комиссия обнаружила, что в процессе государственного управления существуют такие факты, которые в частном предпринимательстве уже давно изжиты. Так, в её докладе приводились данные о том, что оформление заявки на пособие по линии здравоохранения в ведомстве по делам ветеранов обходится в 100–140 долл., тогда как в частных страховых компаниях – 3–6 долл. В армии расходы на выдачу зарплаты обходились в среднем в 4 долл. 20 центов на человека по сравнению с 1 долл. на частном предприятии» (с. 300). «Комиссия отмечала, что в правительственных программах процветали мошенничество и расточительство. Так, в одной только программе продовольственных талонов такие расходы составили миллиард долларов в год... А ведомство социального обеспечения выплатило ошибочно в виде пособий с 1980 по 1982 г. 14,6 млрд. долл.» (с. 301).

Поработай эта комиссия в среде российской бюрократии, думается, все 2 тыс. добровольцев отправились бы прямиком кто в больницу (преимущественно – психиатрическую), кто на кладбище. Причём для этого не потребовалось бы многомесячной кропотливой работы. Достаточно бегло взглянуть на роскошные особняки областных пенсионных фондов на фоне вечной нехватки денег для пенсионеров, на многомиллионные бонусы руководства госкорпораций при копеечных дивидендах «народных акционеров» или оклады и льготы «народных избранников» на фоне зарплат врачей, учителей, работников науки и высшей школы, не говоря уже о таких «бытовых мелочах» как регистрация недвижимости, автомашин или рассмотрение гражданских исков в судах.

Однако в США критика этатизма и бюрократизма не ограничилась бухгалтерским учётом и финансовым анализом. «Усиление регулирующих функций государства, – пишет автор, – рассматривалось Рейганом и его единомышлен-

никами как посягательство на права и свободы личности, среди которых особо выделялось право «равных возможностей» и свободы предпринимательства...». Критики не уставали повторять, что высокие налоги для пополнения государственных доходов «...умерщвляют стимулы работать, сберегать, инвестировать и рисковать» (с. 160).

Не была обойдена вниманием и проблема своеобразно понятой социальной справедливости. Утверждалось, что рост расходов на вспомоществование «ставит одних американцев в унижительное положение зависимости от подачек, а других – в положение работающих на “лентяев и бездельников”» (с. 161). Если добавить к этому определённый кризис корпоративной психологии и управления, хорошо описанный Ли Якоккой на примере «Крайслера», снижение уровня общественной морали и нормативного поведения (преступность, наркомания, пьянство и алкоголизм, лёгкий секс и т.д.) и серию внешнеполитических неудач США – от Вьетнама до революции в Иране и ввода советских войск в Афганистан, – то, вероятно, только природным оптимизмом американцев можно объяснить тот факт, что «число выражавших своё недовольство ожидавшим их будущим выросло с 34% в 1963 г. до 51% в 1978» (с. 72).

Подводя итог всестороннему анализу обстановки в США в преддверии очередных президентских выборов (1980 г.), В.Н. Гарбузов справедливо отмечает: «Страна оказалась перед лицом проблем, решить которые было не так-то просто. Это порождало атмосферу глубокого беспокойства и разочарования, отчаяния и пессимизма, страха перед трудностями и неуверенности в будущем. Казалось, прежние либеральные идеалы рушились, а их место занимали новые» (с. 93).

А поскольку «не вливают вино новое в мехи старые», и «новое вино» и «новые мехи» смогли предоставить те, кого принято было называть американскими консерваторами, как ни странно это звучит исходя из самой этимологии слова «консерватизм» – сохранение, охранение, приверженность старому, устоявшемуся, привычному. По этой причине весьма значительное место в книге уделено исследованию проблемы консерватизма в целом, американского консерватизма в частности и «рейганизма» и «консервативной коалиции» Рейгана в особенности.

Учитывая сложность и многомерность консерватизма как явления, В.Н. Гарбузов анализирует его исторические корни, взгляды советских обществоведов и их эволюцию после победы консервативных сил на выборах в Великобританию, ФРГ и США (А. Миграняна, С. Сокольского, Л. Сигала), а также точку зрения американских специалистов (С. Хантингтона, К. Росситера, П. Витонски) и выделяет в современной западной политической науке три концепции консерватизма:

«1) *Консерватизм как феодально-аристократическая реакция (феодальный консерватизм)*...

2) *Консерватизм как философия вечных, универсальных ценностей (универсальный консерватизм)*...

3) *Консерватизм как система идей, возникающих время от времени в определённой исторической ситуации, в случае любой угрозы существующему общественному порядку (ситуационный консерватизм)*» (с. 42–43).

Это прямо подводит нас к анализу специфики американского консерватизма, квинтэссенцией которой и стала победа на президентских выборах 1980 г. «консервативной коалиции» Р. Рейгана. Для этого автором проведены серьёзный анализ и систематизация трудов отечественных и американских специалистов по данной проблематике, в целях выявления как источников, так и составных частей «консервативной волны» и рейганизма в США.

Понятно, что в силу «американской исключительности» страна начинала с чистого листа, в отсутствие и сложившегося феодального сословия, и господствующей церкви, и сколь-либо значимой бюрократии или военщины, на основе идей Просвещения, прав и свобод человека – американский консерватизм не был оппозицией либерализму, а, скорее, представлял собой его *alter ego*.

Здесь автор соглашается с В.В. Согриным, который «анализируя роль идеологии в американской истории, сумел показать, что американский консерватизм, так же как и американский либерализм, вышли из философии Просвещения». В.Н. Гарбузов ссылается на утверждения Согрина о том, что идейные принципы и взгляды Джефферсона, Франклина и Пейна «представляли демократическую интерпретацию либерализма, которой и суждено было стать классикой в США». В то время как взгляды Гамильтона, Мэдисона и Дж. Адамса воплотили его «элитарную интерпретацию, которая и составила в США основу консерватизма» (с. 45).

Неоднократно подчёркивая на протяжении всей книги имманентные трудности разбора и определения такого явления, как американский консерватизм (постоянная эволюция и трансформация, эклектизм и синкретизм, различия между теорией и практикой, многогранность), автор пытается «рассмотреть данную проблему через призму типологического анализа». Внимательно изучив подходы, предлагавшиеся в этих целях А.А. Галкиным, А.Ю. Мельвилем, К.С. Гаджиевым и В.В. Согриным, В.Н. Гарбузов систематизирует их взгляды (с. 46–64).

Судя по тону и стилю изложения, наиболее близки автору, видимо, взгляды К.С. Гаджиева и А.Ю. Мельвиля. Однако, при всём уважении к предшественникам, он вынужден констатировать: «Консерватизм в целом представляет собой непрерывно меняющееся явление... Но, вбирая в себя различные концепции, теории и даже психологию масс, консерватизм приобрёл противоречивость, внутреннюю разнородность и незавершённость своих теоретических положений... Так что говорить о консерватизме как о едином и целостном направлении общественно-политической мысли, на наш взгляд, вряд ли возможно» (с. 62).

Более того, консерватизм, как считает В.Н. Гарбузов, наряду с самостоятельным существованием в качестве одного из идеологических или политических течений, входит составным элементом и в альтернативные идейно-политические направления (либерализм, социал-демократизм и т.д.). «Стрем-

ление жить в стабильном, спокойном и определённом мире, а не пребывать в состоянии постоянных перемен или (что ещё хуже) хаоса, является преобладающим. В этом смысле даже самый революционный революционер консервативен...» (Какой блестящий пример даёт советский коммунизм в варианте пришлопамятного брежневского застоя. А ведь со времени Великого Октября прошло каких-то 50 лет!) «В этом же смысле, – продолжает автор, – и в США проявилась фиксирующая роль консерватизма по отношению к либерализму. На первый план в данном случае выходит *уровень жёсткости* в попытках закрепить перемены. Причём в большей степени это относится к консервативной практике, чем к теории» (с. 64).

После этого теоретико-методологического анализа автор переходит к внимательному исследованию феномена американского консерватизма 70-х годов прошлого века: его «истоков и смысла», магистральных течений и их интеллектуального обеспечения, экономических теорий и идеологических основ. В консервативном лагере Соединённых Штатов того времени, при всей его пестроте, фрагментарности и внутренней противоречивости (автор справедливо указывает, что два считавшие себя консерваторами человека при полном согласии по одной проблеме могли кардинально расходиться во взглядах по множеству других), тем не менее, можно выделить несколько основных «станов».

На основании внимательного изучения трудов отечественных и американских исследователей, личных интервью с видными представителями команды Рейгана, публикаций консервативных «фабрик мысли» и других источников, В.Н. Гарбузов отмечает такие направления консерватизма, как: «новые правые», «новые богачи» Америки, группировки внутри Республиканской партии, консервативные демократы и неоконсерваторы. Если применить несколько иную систему «разбивки и группировки», то можно получить следующую картину:

«Либертариисты» – сторонники минимального государственного вмешательства в экономику: резкого сокращения государственных программ и государственного регулирования, снижения налогов, жёсткой бюджетной и кредитно-денежной политики, свободной конкуренции на внутреннем и международном рынках. Массовую базу этого течения, как представляется, составляли люди не только не нуждавшиеся в государственной опеке (субсидии, покровительственные тарифы, социальные программы), но и тяготевшиеся налагаемым ею фискальным бременем. Сюда можно отнести высокотехнологичные компании Юго-запада США, выросшие на очередном этапе НТР (микроэлектроника, информатика и связь), порождённый ею же малый и средний бизнес на базе личной или семейной собственности и многомиллионную армию «самостоятельно занятых».

По каким-то параметрам эта часть спектра консервативных сил перекрещивается с так называемыми «новыми правыми». Они возникли в 1960-е годы вокруг Б. Голдуотера, окрепли и активизировались в 70-е в борьбе с засильем в Республиканской партии «либералов» типа Н. Рокфеллера, а в 80-е, «создав

в общенациональных масштабах целую сеть своих группировок, “новые правые”, претендуя на массовый характер своего движения, сумели стать одной из ключевых политических сил, действовавших в масштабе страны и влиявших на миллионы и десятки миллионов американцев». «Значительное место среди этих организаций занимали “комитеты политического действия” – консервативные и праворадикальные группы, действовавшие на федеральном или региональном уровне и направлявшие свои действия на решение какой-то отдельной проблемы» (с. 113).

Сюда же В.Н. Гарбузов относит и «Консервативный кокус», «Круглый стол бизнеса», организации «новых христианских правых» типа «Моральное большинство» Дж. Фолуэлла. «Основной акцент в своей деятельности все эти группировки делали на обличении падения нравов, распущенности, порнографии, наркомании, насилия, преступности, алкоголизма, обвиняя при этом либералов, и на защите морально-религиозных принципов, подвергшихся эрозии традиционных ценностей, американского образа жизни, семьи, частной собственности и т.п.» (с. 114–115),

«Существенной чертой их идеологии, – отмечает автор, – был также антиэтатизм, выражавшийся главным образом в критике всевластия правительства, продажности высшего бюрократического аппарата, государственных социальных программ, позволявших людям работать в полсилы, подавлявших инициативу и убивавших их веру в свои собственные возможности» (с. 117). Своеобразную окраску движению «новых правых» придавало и то, что «социальные и экономические проблемы очень тесно увязывались с моральными» (с. 117–118).

«Значительное влияние – продолжает автор, – в формировавшейся консервативной коалиции с середины 70-х годов (XX века. – Н.Х.) приобрели *неоконсерваторы-интеллектуалы*» (с. 126). «Неоконсерватизм как тип консервативной идеологии и течение общественно-политической мысли с трудом укладывается в какие-то строго очерченные партийные, идеологические или организационные рамки». Н. Бирнбаум охарактеризовал его так: «скорее тенденция, умонастроение, поветрие или даже мода» (с. 128–129). По мнению В.Н. Гарбузова, «приверженность неоконсерватизму определяется поддержкой следующих основных положений: 1) примат рынка... 2) критика “большого правительства”, бюрократизации,... растущей централизации; 3) страх перед эгалитаризмом... 4) защита традиционной культуры и семейных ценностей; 5) сохранение американской мощи в мире...» (с. 129).

«Отец американского неоконсерватизма» Ирвинг Кристол, – дополнил и развил эти положения, выделив целый комплекс отличительных черт данного течения – интеллектуализм и умеренность, прагматизм, опора на классическую политическую философию (Аристотель, Локк, поздний Лео Страусс), умеренный энтузиазм, вера в свободный рынок как основу свободного общества и в экономический рост как основу политической и социальной стабильности, согласие на государство социального страхования, поддержка институтов семьи и религии как основы здорового общества.

Таким образом, можно утверждать, что в «консервативной коалиции» Р. Рейгана – при всей её разнородности, аморфности и подвижности – существовал своеобразный «наименьший общий знаменатель» и некое «разделение труда». Признавая базовые общие ценности, одна её часть была озабочена преимущественно экономическими и социальными проблемами (либертариисты), другая – морально-этическими («новые правые»), а неоконсерваторы занимались в основном военно- и внешнеполитической проблематикой.

Итак, американский консерватизм 70-х годов прошлого века можно условно охарактеризовать как религиозно окрашенное мировоззрение, движение, традицию благополучных и самодостаточных слоёв американского общества, ставящее во главу угла свободу и личную ответственность индивидуума, мощь и влияние нации в целом.

Как писал в своё время Г.П. Федотов: «Консерватизм, либерализм, социализм – не научные системы, хотя они и стремятся к научному обоснованию»². В этой связи В.Н. Гарбузов уделяет большое внимание анализу взглядов и трудов теоретиков и идеологов американского консерватизма – экономистов, социологов, историков, политологов, мыслителей и публицистов – и работы «мозговых трестов», непосредственно обслуживавших «консервативную коалицию» Рейгана и его администрацию.

Читая раздел книги, посвящённый экспертно-аналитическим центрам консервативной направленности, поневоле завидуешь уровню их материального обеспечения (особенно, в сравнении с отечественной наукой), отлаженным связям с бизнесом, правительственными учреждениями, политиками, высшей школой и благотворительными фондами. Поражаешься эффективности и востребованности их работы, лёгкости и частоте ротации кадров между научными центрами и госслужбой.

Так, *Гуверовский институт войны, революции и мира* в 1980 г. имел бюджет в 6,6 млн. долл., а его 200 сотрудников (1986 г.) из 20 стран мира ежегодно публиковали 30 крупных исследований, «которые учитывались республиканской администрацией и оказывали существенное воздействие на формирование национальной политики» (с. 135–136).

Фонд «Наследие», первоначально размещавшийся в помещении небольшого бакалейного магазина, неустанными трудами по обслуживанию правых кругов республиканцев вырос до весьма влиятельной организации с бюджетом в 5,3 млн. долл. (1981 г.) и штатом свыше 90 молодых и энергичных сотрудников, что позволяло готовить аналитические обзоры за четыре-пять дней.

Институт современных исследований с небольшим штатом в 14 человек специализировался на проведении «оперативных исследований по актуальным проблемам современной внутренней политики, национальной безопасности и международным отношениям. Ежегодно он выпускал по пять крупных работ общим тиражом более 50 тыс. экземпляров» (с. 140).

² Федотов Г.П. Рождение свободы. Судьба и грехи России. СПб., 1992, т. 2. с. 269.

Центр стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета дал администрации Рейгана министра юстиции У. Смита, постоянного представителя США при ООН Джин Киркпатрик, помощника госсекретаря по африканским делам Ч. Крокера, постоянного представителя США в НАТО Д. Эбшайра. «По мнению ряда экспертов, – пишет автор, – это был наиболее влиятельный источник внешнеполитических и военно-стратегических идей для вашингтонской правящей элиты» (с. 142).

Американский предпринимательский институт (АПИ) по исследованиям в области общественной политики издавал, помимо монографий, четыре периодических журнала. «Институт работал и на более широкую аудиторию, популяризируя консервативные идеи». Среди ведущих его сотрудников был Ирвинг Кристал. При штате сотрудников в 150 человек, «институт получал наиболее значительную из всех “фабрик мысли” финансовую поддержку 600 корпораций Америки: около 10 млн. долларов ежегодно» (с. 143–145).

Помимо этих крупных научных центров автор насчитывал около 30 менее масштабных организаций, занимающихся аналитическим, информационным и пропагандистским обеспечением консервативной политики.

В итоге В.Н. Гарбузов приходит к следующему заключению: «В недрах перечисленных выше исследовательских центров и научных фондов правоконсервативной ориентации... разрабатывались идеи, положенные в основу философии рейганизма». Этим организациям удалось “покрыть” практически все области идейно-политической жизни современных США – от вопросов экономической, военной и внешнеполитической стратегии до проблем культуры, религии, морали и образования» (с. 150).

Экономика не зря поставлена здесь автором на первое место – именно она больше всего заботит американцев, на этом поле развернулись основные предвыборные баталии 1980 г., соединение данного слова с фамилией победителя и дало термин «рейганомика». По этой причине В.Н. Гарбузов достаточно подробно исследует взгляды теоретиков «экономики предложения» и монетаризма (в том М. Фридмена, Дж. Гилдера, А. Лаффера, Д. Ваннински), которые и легли в основу экономической программы и политики Р. Рейгана. Их можно свести к нескольким базовым постулатам.

Так, М. Фридмен считал «главным негативным результатом государственной социальной политики... не столько денежные потери, сколько её развращающее влияние на развития общества в целом. Социальные программы правительства... лишь подавляют побудительные мотивы к труду, к сбережениям, к накоплению капитала, ослабляют семью». К тому же, учёный полагал, что «государственное регулирование подрывает фундаментальные устои американского образа жизни – опору на собственные силы, частную инициативу, бережливость и усердие, твёрдые моральные принципы...» (с. 162). Именно этот культурно-психологический фактор, лежавший в основе всех выкладок, расчётов и подсчётов монетаристов и «либертаристов», как представляется, и не заметили или сознательно проигнорировали в 90-х го-

дах прошлого века отечественные эпигоны М. Фридмена и фон Хайека, но об этом подробнее ниже.

«Саплай-сайдеры» (*supply-siders*) – сторонники экономической теории предложения, отмечает автор, «пришли к выводу, что для оздоровления экономики необходимо не опосредованное, а прямое воздействие на производство. Главным их требованием было стимулирование частных инвестиций и сокращение государственного сектора и государственных расходов» (с. 164). Отсюда с неизбежностью вытекала необходимость снижения налогов – в первую очередь подоходного и на прибыль корпораций («кривая Лаффера»).

Из этого синтеза экономических, социальных, морально-этических военно-и внешнеполитических идей, положений и требований американского консерватизма второй половины XX века и родился рейганизм как «новая теория, способная не только оживить экономику и изменить традиционный характер управления социально-экономическими отношениями, но и оказать воздействие на само духовное состояние американской нации, вдохнуть в неё новые силы, вернуть былой престиж Америки на мировой арене» (с. 151).

В.Н. Гарбузов справедливо отмечает «многомерный, а порою запутанный, противоречивый и разнонаправленный характер» этого явления и настоятельно рекомендует, вслед за российским учёным В.А. Савельевым, отделять объективно необходимую политику, «частично пережившую самого Рейгана и его президентство», от субъективной её составляющей – «стратегии и методов, опробованных Р. Рейганом в бытность его губернатором Калифорнии в 1966–1974 гг., так же как и самой личности будущего президента с его взглядами и убеждениями» (с. 153).

Большая часть книги посвящена изучению экономической политики двух последовательных администраций Рейгана, основных направлений, форм и методов её реализации, её несомненных достоинств и достижений, а также негативных побочных последствий и неудач. Задача не совсем лёгкая для историка, но В.Н. Гарбузов справился с ней вполне достойным образом, сосредоточившись, в основном, на фундаментальных положениях «рейганомики», мерах по их претворению в жизнь и воздействию этих мер на макроэкономические показатели.

«Не мудрствуя лукаво», автор строит своё исследование по годам (1981–1988) – вполне законный подход. Он детально анализирует предложения администрации в области налоговой, бюджетной и кредитно-денежной политики, ход и результаты их реализации: динамику ВВП, уровень инфляции и безработицы, доходы и расходы бюджета, баланс внешней торговли и размеры государственного долга, инвестиции и потребительский спрос.

Главы (2 и 3), впрочем, как и вся работа, выдержаны в максимально объективном, спокойном тоне, «без гнева и пристрастия», идеологических штампов и субъективных оценок «хорошо – плохо» или менторского тона «правильно – неправильно», чем по старой памяти грешат многие наши обществоведы. Но несмотря на этот спокойный и взвешенный стиль и тон изложения, в книге проступает некий внутренний драматизм – первые её части чи-

таются как хороший, увлекательный детектив или приключенческий роман: «сработает – не сработает», «успеют – не успеют». И хотя результат известен вот уже 20 лет, напряжение спадает только к концу третьей главы, в которой подводятся итоги четвёртого года рейгановского президентства: «переизберут!»

В первой своей инаугурационной речи в феврале 1981 г. Рейган твёрдо заявил о решимости новой администрации существенно снизить ставки подоходного налога и значительно сократить расходы федерального бюджета, за исключением оборонных, где, напротив, планировался рост ассигнований как на стратегические ядерные силы, так и на обычные вооружения.

Все ключевые посты в исполнительной власти заняли «стойкие консерваторы», а её «экономический блок» состоял из убеждённых монетаристов и «сапплай-сайдеров», хотя и не был стопроцентно монолитным. Однако масштаб поставленных задач соответствовал и масштаб трудностей на пути их решения. Экономическое положение страны оставляло желать лучшего. В 1980 г. инфляция поднялась до 12,4%, безработица охватила 7 млн. человек, в 1981 г. планировался дефицит бюджета в размере 80 млрд. долл., государственный долг должен был вырасти до 939 млрд. долл., ставки по закладным в начале года составляли 15,4%. Бюджет на большую часть текущего финансового года был свёрстан ещё администрацией Картера и, несмотря на её попытки хоть как-то сократить федеральные расходы, ни в коей мере не удовлетворял республиканцев. Значительную часть расходов составляли «программы обязательного действия», утверждённые соответствующими законами много лет назад, и не зависевшие от воли или умонастроения той или иной администрации.

Палата представителей Конгресса, которой по Конституции США принадлежит «власть кошелька» – право утверждать налоги, доходы и расходы бюджета, а также принимать законы, контролировалась демократами, да и среди конгрессменов-республиканцев многие не были готовы затронуть интересы своих избирательных округов. «Даже те программы, – пишет автор, – сокращение которых действительно требовалось, твёрдо защищались так называемой железной триадой, в которую входили 1) профильные министерства; 2) лоббисты “групп особых интересов”; 3) аппараты комитетов Конгресса, в недрах которых десятилетиями готовились планы государственных расходов» (с. 179).

Консерваторов и «выскочек-провинциалов» традиционно сильно недолюбливал и «вашингтонский истеблишмент», ключевые позиции в котором занимали многочисленные и несменяемые «карьерные» федеральные служащие, жившие на правительственные заказы независимые консультанты, эксперты, юристы, специалисты по рекламе и связям с общественностью, давно и прочно окопавшиеся в столице различного рода лоббисты и либеральная пресса.

С первых дней и почти до начала 1983 г. шёл «бег на скорость» – кто победит: экономическая политика новой администрации или её негативные последствия, помноженные на груз старых проблем? Р. Рейган подписал указ о сня-

тии контроля за ценами на нефть и бензин; о замораживании найма госслужащих в органы исполнительной власти. Им также был подписан меморандум о сокращении федеральных расходов и введён 60-дневный мораторий на почти 100 подготовленных администрацией Картера постановлений (с. 183).

Как отмечается в книге, «18 февраля 1981 г., выступив на совместной сессии обеих палат американского Конгресса и ещё раз обрисовав печальную картину состояния дел в национальной экономике, Р. Рейган предложил законодателям комплексную программу республиканской администрации *«Новое начало для Америки: программа экономического возрождения»*. В день выступления перед законодателями он направил в Конгресс пакет документов, подготовленный различными ведомствами, с подробным изложением программы администрации. «Этот пакет включал 3 доклада: 1) Экономический доклад, представлявший собой официальный документ Белого дома, в котором обосновывались все элементы программы Рейгана. 2) Доклад, содержащий первоначальные предложения президента по сокращению бюджета на 1981 и 1982 фин. годы, подготовленный АБУ. 3) Доклад администрации о предложениях по налоговым сокращениям, подготовленный Министерством финансов» (с. 192).

«Целью администрации документ определял поддержание силы и жизнеспособности американского народа путём уменьшения обременяющего вмешательства федерального правительства в функционирование экономики, снижение налоговых ставок и сокращение правительственных расходов, создание стимулов, побуждающих людей работать, сберегать и инвестировать» (с. 193).

Комплексная программа республиканцев включала четыре группы взаимосвязанных конкретных мероприятий:

1) Значительное ограничение роста правительственных расходов: «Общее сокращение расходов в течение трёх лет должно было составить 200 млрд. долл. Предполагалось, что расходная часть бюджета снизится с 23% от уровня ВВП в 1981 г. до 21,8% в 1982 г. и до 19,3% в 1984 г.» При этом администрация гарантировала сохранение системы социальной безопасности – программы «для действительно нуждавшихся в помощи со стороны государства: пенсионеров, основной части безработных, ветеранов, бедняков» (с. 195).

«Правительство брало на себя обязательство ликвидировать бюджетный дефицит к 1984 г. ... и добиться в 1985 и 1986 гг. превышения доходной его части над расходной...» (с. 196).

2) Сокращение ставок федеральных личных подоходных налогов и налогов на предпринимателей. Программа предлагала снижение личных подоходных налогов на 10% ежегодно в течение трёх лет, начиная с 1 июля 1981 г. Размеры предельных налоговых ставок при этом к 1 января 1984 г. должны были понизиться с 14 – 70% до 10 – 50%... Комплекс мер в сфере налоговой политики предусматривал также введение системы ускоренных амортизационных списаний...

3) Ослабление регулирующих функций государства и критический пересмотр и сокращение объёма законодательства, регламентирующего различные аспекты экономической деятельности.

4) Проведение в сотрудничестве с ФРС стабильной и предсказуемой кредитно-денежной политики (с. 196–199). Это подразумевало контроль за денежной массой и учётными ставками.

Многие критики программы, включая и некоторых консерваторов, видели её противоречивость (одновременное снижение налогов и бюджетных расходов) и негативные последствия на первом этапе (замедление экономического роста и высокая безработица), но «президент и его советники, – пишет автор, – считали, что издержки переходного периода могут быть уменьшены в том случае, если американцы *поверят* в возможность реализации такой программы, если они будут *доверять* политике правительства. Так что в стратегии и тактике рейганистов психологический фактор, лежавший в основе “теории рациональных ожиданий”, занимал далеко не последнее место» (с. 206). Чего, увы, нельзя сказать ни о наших реформаторах 1990-х, ни о рационализме нашего народа в тот же период.

Несмотря на все недостатки и противоречия программы, альтернативы ей не было, поэтому неудивительно, что «ни большинство законодателей, ни тем более страна в целом, не высказывались однозначно против программы, которая обещала так много перемен. Во второй половине февраля более двух третей американцев в целом одобряли планы нового правительства» (с. 207).

В конце лета 1981 г. рейганисты провели через Палату представителей (217 – «за», 210 – «против») бюджет на 1982 фин. г., предусматривавший сокращение федеральных расходов на 35,2 млрд. долл. и численности федеральных служащих при одновременном росте военных расходов, что было названо «бюджетным блицкригом». 13 августа вместе с законом о бюджете на 1982 г. президент подписал *закон «О восстановлении экономики при помощи налогов» (Economic Recovery Tax Act, ERTA)*, по которому налоговые ставки на личные доходы в течение трёх лет сокращались на 25% и также была уменьшена максимальная налоговая ставка на прибыль – с 28 до 20%. «*Это было крупнейшее сокращение налогов за всю американскую историю*» (с. 237), – констатирует автор. По цитате из журнала «Форчун» от 23 марта 1981 г., которую приводит В.Н. Гарбузов, «со времени Ф.Д. Рузвельта ни одному американскому президенту не удавалось за такой довольно короткий срок сделать так много значительного, чтобы изменить направление экономического развития страны» (с. 241).

Вопреки надеждам и утверждениям рейганистов негативные тенденции в экономике быстро переломить не удалось: в июле 1981 г. начался финансовый кризис – упал индекс Доу-Джонса, учётные ставки выросли до 18%, уровень безработицы в декабре 1981 г. составил почти 11%, проявились и противоречия в «экономическом блоке» администрации. В журнале «Атлантик» вышли две статьи на основе бесед и интервью с директором АБУ Д. Стокменом, в кото-

рых подвергалась сомнению правильность экономического курса консерваторов (с. 247).

Бюджет на 1983 фин. г. был свёрстан с рекордным дефицитом в 91,5 млрд. долл. и предусматривал сокращение гражданских расходов на 55,9 млрд. при росте военных – на 8%, до 221 млрд. долл. «Важной особенностью предложений по бюджету на 1983 фин. год было то, что они составлялись с учётом программы “нового федерализма”, которая в соответствии с принятым курсом на дерегулирование, предусматривала передачу ряда управленческих функций с федерального уровня штатам и местным органам власти» (с. 252–253).

Критика экономической политики Рейгана не ослабевала но президент не собирался «совершать крутых поворотов» и идти на уступки по принципиальным вопросам – налоги, федеральные расходы, военное строительство. После долгих закулисных переговоров и рассмотрения нескольких альтернативных вариантов «Конгресс принял бюджет на очередной 1983 фин. год. Он предусматривал увеличение расходов на оборону на 13%, сокращение федеральных программ на 27,2 млрд. долл. в течение 3 лет, а также на 33 млрд. долл. иных правительственных расходов... Бюджетный дефицит в 1983 фин. году должен был составить 103,9 млрд. долл.» (с. 261).

«Летом 1982 г. экономическая ситуация в стране ещё более ухудшилась. К июлю показатель безработицы достиг 9,5%, чего не наблюдалось с 1941 г. В сравнении с уровнем 1979 г. количество банкротств выросло почти втрое. В июне, в десятый раз за 11 месяцев, произошёл резкий спад промышленного производства», который привёл, – пишет автор – к ещё большей потере общественного доверия к правительственной программе и росту антиправительственных настроений... Не приносившая результатов рейгановская политика становилась всё менее популярной» (с. 262).

В этих условиях президенту пришлось пойти на определённый компромисс с демократами в Конгрессе и заключить соглашение, предусматривавшее некоторое увеличение налогов (поступления должны были вырасти более чем на 98,3 млрд. долл. за три года), «при условии их согласия на сокращение в то же время расходов на 228 млрд. долл. Принятый Конгрессом 19 августа 1982 г. закон «О налоговой справедливости и финансовой ответственности» (*The Tax Equity and Fiscal Responsibility Act, TEFRA*) отменил около половины сокращений предпринимательских налогов, предусмотренных ERTA в 1981 г., перенеся весь задуманный Рейганом пакет налоговых реформ на вторую половину его первого президентства» (с. 264). Появились и альтернативные планы налоговых реформ, а также усилилась критика политики жёсткого монетаризма, что заставило правительство по договорённости с ФРС согласиться на увеличение денежной массы и снижение учётных ставок.

На этом неприятности для республиканской администрации не закончились. Голосованием обеих палат Конгресс преодолел вето президента на законопроект о дополнительных ассигнованиях в размере 14,2 млрд. долл. на различные федеральные программы и выказал намерение сократить на 2,1 млрд. долл. военные расходы. Спад в экономике продолжался, показатель

безработицы перешагнул отметку в 10%, бюджетный дефицит составил рекордные 110,7 млрд.долл. Сомнения в благоприятных перспективах «рейганомики» усиливались, но президент оставался непоколебим, несмотря на неблагоприятные для его партии итоги промежуточных выборов в Конгресс в ноябре 1982 г. «В нижней палате, состоявшей из 435 депутатов, демократам удалось увеличить своё представительство, доведя его до 269... Хотя республиканцы и сохранили своё большинство в Сенате (54 места), влияние их в целом было подорвано... Количество губернаторов-демократов после ноября 1982 г. увеличилось... Из 50 губернаторов теперь 34 было демократами и 16 республиканцами» (с. 271).

Если Р. Рейган и его администрация не шли ни на какие уступки по принципиальным вопросам экономической политики даже в условиях непрерывно ухудшавшейся ситуации, то тем менее оснований у них стало для этого в условиях экономического подъёма, первые признаки которого стали появляться в конце 1982 – начале 1983 г. Как пишет автор, «1983 год – “год тупика”», противоречий внутри рейгановской коалиции, непрерывной борьбы в Конгрессе и неутихающей критики – «принёс Америке неожиданно высокий экономический рост – 6,5% годовых, некоторое снижение безработицы (в декабре она составила 8,2%) и падение инфляции до 3,8%. В 1983 г. в американской экономике было создано 4 млн. новых рабочих мест. Продолжало расти доверие потребителей, а с ним и объёмы розничных продаж... Всё это вызывало оптимизм и обнадеживало относительно перспектив развития в будущем» (с. 309–310).

И Америка не обманулась в своих ожиданиях. С этого момента и до конца второго президентского срока Р. Рейгана все основные экономические показатели демонстрировали только положительную динамику, стали повышаться личные доходы и уровень жизни большинства американцев. Неудивительно, что «6 ноября 1984 г., собрав 54,5 млн. или 59,2% голосов избирателей и одержав победу в 47 штатах страны, Рейган, как и ожидалось, стал президентом США на второй срок» (с. 344).

Следующие четыре года администрация употребила на дальнейшее развитие и расширение консервативных реформ в экономике, укрепление военной и внешнеполитической мощи США. 22 октября 1986 г. Р. Рейган подписал закон «О налоговой реформе», согласно которому «в США устанавливались самые низкие налоговые ставки среди всех развитых стран мира: вместо 14 уровней налоговых ставок с максимальной в 50% вводились две ставки (15 и 28%)» (с. 398).

В последний год президентства Р. Рейгана бюджет был утверждён без напряжённой борьбы и яростных споров, а комплексный закон «О торговле и конкурентоспособности» (*Omnibus Trade and Competitiveness Act of 1988*) принят в варианте, устраивавшем администрацию. Основные экономические показатели (темпы роста ВВП, уровень инфляции и безработицы, загрузка производственных мощностей, рост корпоративных прибылей) были более чем благоприятными. В ноябре 1988 г. победу на президентских выборах одержал

Дж. Буш-ст., собравший 54% голосов избирателей и «въехавший, – по выражению столичных журналистов, – в Белый дом на фалдах рейгановского флага». Действительно, из множества факторов, способствовавших победе вице-президента, экономический рост, успехи «рейгановской революции» оказались решающими» (с. 437).

Рассматривая итоги и наследие этой «революции» В.Н. Гарбузов сводит их в два раздела главы 5 – «Успехи» и «Неудачи». К числу первых он относит обуздание инфляции, снижение безработицы, длительный подъём экономики с ежегодными темпами роста в 4,1% в 1983–1988 гг., налоговую реформу, оптимизацию функций федерального правительства, несомненный рост уровня жизни большинства американцев. Неудачами В.Н. Гарбузов считает «безостановочный рост дефицита федерального бюджета» (с. 451) и «небывалое за всё послевоенное время увеличение размеров государственного долга» (с. 455). Правда, «в какой-то степени рейгановская администрация оказалась связанной обстоятельствами, основы которых были заложены задолго до начала 80-х годов» (с. 460). К неудачам автор относит и значительный рост дефицита внешнеторгового баланса. Однако успехи «рейганомии» вполне очевидны, а вот неудачи, как представляется, не являются столь явными.

Конечно, долги рано или поздно придётся возвращать и это дополнительная нагрузка на будущие поколения, да и размеры государственного долга США в денежном выражении и в процентах ВВП впечатляют. Но с ВВП (или бюджетом) обычно соотносят сумму ежегодных платежей в погашение долга (так называемое *debt-service ratio*), которые при Рейгане не превышали 15%, а даже российские банки считают допустимым взимать 20% от доходов заёмщика. А абсолютные размеры долга лучше сравнивать с национальным богатством или капитализацией экономики (имуществом заёмщика, на которое в крайнем случае можно обратить взыскание).

И потом, кредит – это нормальное и привычное явление в мире экономики. Ведь можно и дефицитный бюджет инвестировать в здоровье и образование нации, её безопасность и процветание, науку и инфраструктуру, равно как и распылить профицитный бюджет на статусные проекты, непроизводительные расходы и банальное казнокрадство.

Не является однозначно негативным и внешнеторговый дефицит. Часть его приходится на внутрифирменный оборот американских ТНК по трансфертным ценам, часть покрывается за счёт положительного сальдо по «невидимым статьям», часть финансируется за счёт непрерывного притока денег в страну, за отсутствием в мире более привлекательных инвестиционных возможностей. Да и международного разделения труда тоже никто не отменял. Ещё Наполеон говорил: «Нельзя быть сильным везде».

Таким образом, можно считать, что в 80-е годы прошлого века США в очередной раз доказали свои высокие адаптационные способности и, достаточно резко изменив экономический курс страны, добились впечатляющих успехов в экономической области.

Почему же рецепты монетаризма и «экономики предложения» не работали в России 1990-х годов? Как представляется, наш «шок без терапии» был изначально обречён на неудачу именно по причине почти полного отсутствия соответствующего культурно-психологического фактора, того «духа капитализма», на который сделал ставку Рейган и его сторонники. После 70 лет советской власти экономика стала почти на 100% государственной при полном отсутствии рыночного механизма, лиц свободной профессии можно было перечесть по пальцам (за исключением криминального элемента), да и предлагать было особенно нечего: от силы 30% народного хозяйства работали на конечное потребление (при этом не заботясь о проблемах себестоимости и качества), а чисто технические аспекты отечественного «либерализма» плохо согласовывались с рецептами Лаффера, Фридмена и фон Хайека – непомерно высокие налоги, мелочное бюрократическое регулирование хозяйственной жизни, огромное число «бюджетников» плюс крайне неэффективное государство и почти полное расстройство финансовой сферы и дисциплины. Единственное, пожалуй, что роднит Россию 1990-х с США 1980-х, так это отсутствие – после ГКЧП и провала августовского «путча» – жизнеспособных альтернатив, когда из нужды пришлось сделать добродетель.

Как пишет В.Н. Гарбузов, помимо объективного фактора – «самого “американского индивидуализма”... основы прогресса, стабильности и единства этого сложного, мультикультурного и полицентричного общества в целом» (с. 472), в успехе консервативных реформ в США, наверное, сыграл свою роль и чисто субъективный фактор: в нужное время, в нужном месте оказались нужные люди.

Думается, что Рейгана и его соратников отличала вера в свою правду, свою страну и свой народ – его интеллект и волю, энергию и предприимчивость, рационализм и здравый смысл, динамизм и инициативность, правосознание и законопослушность, и верность своим целям и принципам. Рейган не страшился «временного отлива народной любви», шквала критики со стороны оппонентов, колебаний и разброда в своём ближайшем окружении и не шёл на уступки по принципиальным вопросам, оставаясь при этом гибким и открытым для компромиссов в интересах достижения стратегических целей.

Можно ли назвать президентство Рональда Рейгана «революцией»? Автор так не считает, ибо усматривает в нём всего лишь «ограниченные масштабы воздействия консервативной практики на американское общество, явно не оправдывающее... само понятие “революция”» (с. 470), правда, не уточняя при этом содержания данного понятия.

Коренное изменение общественно-политического строя, зачастую насильственное? Наверное, Соединённые Штаты Америки вообще не предназначены для таких потрясений, хотя в Декларации независимости и записано право народа на свержение неудобного ему правления.

Смена элит? Вашингтонскому истеблишменту пришлось несколько потесниться и дать место совершенно новым людям, но это происходит везде, где в

норму возведены политические свободы и демократические формы конкуренции за власть.

Экономические преобразования? Скорее Рейган лишь ещё шире открыл дорогу тому, что уже давно вызревало в экономике развитых стран и вело к возникновению какой-то новой формации, называемой сейчас – за отсутствием пока полного теоретического осмысления – постиндустриальным или информационным обществом.

Перекройка политической карты мира? Думается, Советский Союз и мировая система социализма и без Рейгана рано или поздно не выдержали бы конкуренции со свободными, правовыми государствами, как не выдержали её в своё время все империи восточного типа – от Персидской до Османской империи.

Возможно, конечно, что в глазах многих американцев всё это в совокупности если и не является революцией, то наверняка триумфом и лично Рейгана и всей страны в целом. «Единственная сверхдержава», «глобальный лидер» и прочие мессианские характеристики вряд ли кажутся им сильным преувеличением. Впрочем, что такое 20 лет для истории? И не будем забывать, что последние основания исторического суда, как считал Г.П. Федотов, лежат над историей и не меряются мерой исторического успеха.